

Д. И. АРБАТСКИЙ

О СУЩНОСТИ ТАВТОЛОГИИ В СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

Явление тавтологии хорошо известно не только логикам, но и лингвистам, лексикографам: тавтологичные определения не имеют познавательной ценности и перестают служить средством анализа лексических значений слов. Естественно, что усилия составителей толковых словарей всегда были направлены на устранение этого недостатка, на повышение познавательного уровня семантических дефиниций. Однако результаты этих усилий оцениваются различно. В лексикографических работах прошлых лет проблема тавтологии не занимала сколько-нибудь значительного места. Не выражалось какого-либо сомнения относительно нетавтологичности подавляющего большинства определений национальных толковых словарей. В работах же современных авторов проблема тавтологичности словарных определений выдвигается на первое место. По мнению этих авторов, большое число (если не большинство) современных семантических дефиниций толковых словарей неправомерны в силу своей тавтологичности. Считается, что тавтологичность современных семантических дефиниций невозможно преодолеть традиционными методами, поэтому предлагаются весьма кардинальные меры для ее устранения — отказ от вербальных определений и использование вместо них оstenсивных дефиниций, сведение языка определений к минимальному языку науки, создание нового особого семантического языка для описания лексических значений слов. Такие идеи развиваются, в частности, в ряде работ Ю. Д. Апресяна¹. Несомненно, что вопросы сущности тавтологии семантических определений, а также способы ее преодоления заслуживают всестороннего и глубокого обсуждения.

В современной логической науке еще нет единого общепринятого решения вопроса о сущности данного явления. С одной стороны, имеются попытки содержательного анализа тавтологии и порочного круга. Они трактуются в этом случае как недостаточность информации об определяемом объекте², или как повторение в поясняющей части дефиниции того же понятия или той же мысли, которые фиксируются поясняемой частью³. С другой стороны, тавтология рассматривается с точки зрения формы, структуры определения, она трактуется в этом случае как общность языка поясняемой части (ДФД — *definiedum*) и поясняющей части (ДФН — *definiens*) определения. В отличие от логиков, Ю. Д. Апресян и некоторые другие авторы не проявляют каких-либо сомнений относительно сути тавтологии, они без колебаний выбирают чисто формальную трактовку тавтологии как использование языка ДФД в языке ДФН и кладут его в ос-

¹ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики, ИАН ОЛЯ, 1969, 1; е г о ж е, О языке для описания значений слов, там же, 5.

² См.: R. R o b i n s o n, Definition, Oxford, 1950, стр. 40; G. T a m á s, Die wissenschaftliche Definition, Budapest, 1964, стр. 157.

³ В. Ф. А с м у с, Логика, М., 1947, стр. 54.

нову анализа толковых словарей. Между тем, как будет показано в дальнейшем, это понимание не раскрывает сути тавтологии, искажает ее.

Все элементы языка, участвующие в построении определения, с этой точки зрения разделяются на две замкнутые, не связанные между собой группы. Одну группу составляют слова и выражения, которые выполняют роль поясняемой части определения (язык ДФД), другую группу образуют слова и выражения, выполняющие роль поясняющей части определения и его составляющих (язык ДФН). Если слагаемые языка ДФД и языка ДФН находятся на своих местах (соответственно в левой и в правой части), то определение нетавтологично. Если же они меняются местами, переходят из одного языка в другой, то неизбежно возникает тавтология, или порочный круг, определение теряет свою познавательную ценность. Исходя из этого положения, формулируется правило, запрещающее смешение языка ДФД и языка ДФН: определяющее не должно содержать в себе определяемого и наоборот. Выяснение вопроса о том, почему же все-таки повторение в поясняющей части определения языка поясняемой части ведет к тавтологии, могло бы привести к иному, более глубокому пониманию этого явления. Однако Ю. Д. Апресян не ставит этого вопроса, что позволяет ему остаться в рамках чисто формальной трактовки тавтологии.

Само по себе формальное определение тавтологии отражает некоторые реальные факты. Однако в целом оно явно односторонне, фиксирует лишь внешнюю, формальную сторону тавтологии и в силу этого не раскрывает ее сущности. С одной стороны, это определение тавтологии узко, не охватывает многих действительно тавтологических определений, у которых, однако, нет общности языка поясняемой и поясняющей части. Рассмотрим следующие примеры. *Слон — животное, рождающее себе подобных. Правильно — то, что противоположно исключению.* В данных определениях, как видно, нет того условия, которое считается главной причиной тавтологии — общности языка ДФД и ДФН. Тем не менее они тавтологичны, поскольку поясняющая часть в них не содержит в себе никакой новой информации по сравнению с тем, что уже известно до определения из поясняемых слов. И тот, кто не знает смысла данных слов, фактически ничего не узнает из этих бессодержательных определений. Такие тавтологичные определения появляются всякий раз, когда мы пытаемся раскрыть значение требующих пояснения слов путем указания всем известных признаков, например, *звук — то, что мы слышим, свет — то, что мы видим, ромашка — это цветок, который расцветает летом* и т. д.

С другой стороны, рассматриваемое определение тавтологии слишком широко, оно включает в себя такие определения, у которых имеется общность языка ДФН и ДФД, но которые тем не менее не являются тавтологичными. Поясняющая часть у таких определений содержит достаточное количество информации, необходимой для раскрытия значения поясняемого слова. Вот некоторые примеры из известного «Словаря лингвистических терминов». О. С. Ахмановой (М., 1966). «Вокализованный согласный — согласный, образуемый при участии голоса, который прибавляется к шуму; Глагольно-адвербиальное словосочетание — сочетание глагола с постпозитивным предложным наречием, функционирующее наподобие сложного глагола; второстепенные члены предложения — члены предложения, не являющиеся главными и различающиеся по способу включения в предложение». То языковое различие между ДФД и ДФН, которое имеется в этих определениях, вполне достаточно для точного раскрытия смысла поясняемых слов.

Но дело здесь не в особенностях сложного термина. Если поясняющая часть определения содержит в себе достаточно сведений для раскрытия

значения поясняемого слова, то даже полное повторение его в поясняющей части не приведет к тавтологии. Чрезвычайно важный вывод, который вытекает из сказанного, состоит в том, что повторение поясняемого слова в поясняющей части дефиниции само по себе отнюдь не означает тавтологии или порочного круга, что существуют (возможны) нетавтологичные определения с элементами общности языка между ДФД и ДФН.

Более внимательное изучение познавательной роли логических определений в последнее время привело к переоценке познавательной ценности подобных квазитавтологических дефиниций. Оказалось, что они совершенно необходимы для раскрытия разнообразных взаимных отношений между предметами и словами и не заключают в себе какого-либо порока. В математике и математической логике широко используются так называемые рекурсивные определения, спецификой которых является повторение одних и тех же знаков в поясняемой и поясняющей части. Однако они не утрачивают от этого своей познавательной ценности. Как показал И. Бар-Хиллел, такие «рекурсивные» определения широко применяются в эмпирических науках, не вызывая каких-либо явлений тавтологичности. Несомненно, такие рекурсивные (мнимо тавтологичные) определения используются и в толковых словарях. Можно даже утверждать, что здесь они находят наиболее широкое распространение.

Ю. Д. Апресян рассматривает два таких квазитавтологических типа семантических определений, которые он толкует как действительно тавтологичные. Первый тип встречается при истолковании значений синонимов. В толковых словарях русского языка для взаимного пояснения нередко используются такие синонимические пары, как *большой — значительный*, *благодарность — признательность*, *мебель — обстановка*, *принимать — получать*, *помощь — содействие*, *утрачивать — лишаться*, *необходимость — надобность*, *потребность — нужда* и др. Конечно, если тавтологией считать всякое повторение поясняемого слова в поясняющей части, то перед нами тавтология. Но этот чисто формальный подход неубедителен. Взаимно рекурсивные определения как раз показывают несостоятельность чисто формального определения тавтологии.

Предположим, что мы располагаем лишь непонятными для читателей синонимическими парами, например, *ительмены* и *камчадалы*, *пума* и *кугуар*. Взаимные пояснения этих слов оставались бы для читателя тавтологичными, ибо ни одно из этих синонимических слов не вносит необходимой ясности, не раскрывает смысла поясняемых слов. Здесь мы встречаемся с реальной тавтологией и реальным порочным кругом. Однако если мы будем иметь дело с общеизвестными словами с достаточно ясными значениями (именно об этом случае говорится в работе Ю. Д. Апресяна), то при взаимном пояснении тавтологии уже не возникает. Рассмотрим это на примерах, которые Ю. Д. Апресян использует для иллюстрации тавтологичности синонимических определений: *несчастье* — «беда, горе», *беда* — «несчастье», *горе* — «беда, несчастье». Поясняющие слова в каждом из этих трех определений достаточно понятны для читателей словаря, содержат всю необходимую информацию о смысле поясняемого слова. И если у кого-либо возникает неясность относительно значения поясняемого слова (именно на этот случай они и приводятся), то данные определения дадут необходимые и достаточные пояснения. Если попытаться раскрыть реальный смысл поясняемых слов иным путем, иными словами, то нельзя указать никакой информации, кроме той, которая содержится в поясняемых словах. Можно получить лишь более длинные по объему толкования.

Разумеется, пояснительная способность слов *несчастье*, *горе* и *беда* неодинакова. Наиболее распространенным и более известным является, по-

видимому, слово *несчастье*. Поэтому второе и третье определения являются в этом смысле более ясными и содержательными. Однако слова *горе* и *беда* достаточно хорошо известны читателям, для которых они предназначены, и в совокупности дают достаточно содержательное пояснение. Замена этих слов другими словами отнюдь не улучшит толкование.

В статье «Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики» Ю. Д. Апресян признает необходимость и возможность синонимических толкований. Он требует лишь, чтобы хотя бы один синоним из данного синонимического ряда «был разложен на семантические составляющие» (стр. 13), т. е. раскрыт иным языком. Однако это требование чрезмерно. Один из синонимов рекурсивных синонимических определений необходимо раскрывать путем описания лишь в том случае, когда в синонимическом ряду имеются слова, значение которых недостаточно ясно и понятно для читателей, типа *микроб* — *бактерия* — *бацилла* и под. И это требование выполняется в современных толковых словарях русского языка. В тех же случаях, когда синонимический ряд состоит из слов, значение которых достаточно хорошо известно читателям, данное требование излишне: предполагаемое описание не внесет ничего нового.

Другой тип тавтологии Ю. Д. Апресян усматривает в толковании значения слов, обозначающих взаимосвязанные предметы и явления типа *звук* — *слух*, *лемех* — *плуг*, *комната* — *квартира*, *гореть* — *огонь*, *глаз* — *зрение*, *брита* — *брить*. Чисто формальный подход к тавтологии здесь опять вынуждает автора отыскивать несуществующие недостатки в этих вполне достаточных определениях. Возьмем, к примеру, слова *звук*, *слух*, *слышать*. Они обозначают неразрывно связанные явления и вполне естественно, что в определении их значения раскрываются эти реальные взаимные связи. Слово *звук* в толковых словарях обычно определяется как «воспринимаемые слухом колебания воздушной среды», значение слова *слух* — как «одно из пяти внешних чувств, дающее возможность воспринимать звуки, способность слышать», смысл слова *слушать* — как «различать, воспринимать слухом издаваемые чем-либо или кем-либо звуки». Несмотря на то, что указанные слова в приведенных толкованиях встречаются и в поясняемой, и в поясняющей части, эти определения не являются тавтологичными, ибо в каждом из них содержится достаточно информации для пояснения, выраженной общепонятным языком.

Существует еще одна группа мнимо тавтологичных словарных определений, которые различными авторами обычно объявляются ошибочными. Это определения, в поясняющей части которых употребляется близкое по значению и однокоренное с поясняющим термином слово. Например: *приемник* — аппарат, который *принимает* радиоволны; *призрачник* — сторож, который стоит у *ворот* тюрьмы; *арестовать* — подвергать *аресту*; *беседовать* — вести *беседу*; *выкорчевывать* — *корчуя*, удалить; *вырубить* — *рубкой* уничтожить; *слепнуть* — становиться *слепым*; *расширяться* — становиться *шире* и под. То, что Ю. Д. Апресян не зачисляет эти толкования в разряд тавтологических — это его непоследовательность, ибо они полностью подходят под формальное определение тавтологии: у них в наличии — общность языка ДФД и ДФН. В действительности эти определения также нетавтологичны в силу того, что в поясняющей части этих определений содержится информация, вполне достаточная для раскрытия смысла поясняемых слов.

Таким образом, основные положения, из которых исходит формальное толкование тавтологии, противоречит фактическому материалу. С одной стороны, в практике толкования встречаются такие определения, у которых нет общности языка, тем не менее они оказываются тавтологичными. С другой стороны, в практике часто применяются определения, которые

обладают общностью в языке ДФД и ДФН, тем не менее эти определения оказываются нетавтологичными. Более того, такие квазитавтологичные определения оказываются или совершенно необходимыми или более эффективными, чем соответствующие определения без общности языка основных компонентов определения.

Формальное понимание тавтологии сложилось на основе односторонней трактовки логического определения, как выражения логического равенства, в котором два синонимических выражения (ДФД и ДФН) имеют один и тот же смысл. В применении к семантическим определениям Ю. Д. Апресян формулирует это положение следующим образом: «Значения определяемого и определяющего выражений должны быть тождественны; если A — определяемое, а BC — определение, то должны иметь место следования $A \rightarrow BC$ и $BC \rightarrow A$ (условие необходимости и достаточности признаков BC для A). Применительно к лексикографии это значит, что в любом случае употребления A и BC они должны быть по смыслу взаимозаменяемы»⁴. Если это так, что какова же роль семантического определения в раскрытии смысла слова? Оно лишь устанавливает тождество сформировавшихся до определения значений слов, но не вносит ничего нового, не меняет смысла слова. Но это и есть то, что называется тавтологией, что неизбежно ведет к тавтологии. Действительная роль семантических определений иная. Если значения слов ясны и понятны, то семантические толкования не нужны. Потребность в толковании возникает лишь в том случае, когда смысл слова в данной ситуации не известен или не ясен в том или ином отношении, когда необходимо уточнять его смысл. И назначение семантического определения как раз в том и состоит, чтобы уточнять, углублять смысл слова, делать его более ясным и содержательным. Это основная функция определения осуществляется лишь в силу того, что составляющие его части по смыслу не равны и не взаимозаменяемы. Несмотря на то, что в целом ДФД и ДФН обозначают один и тот же класс предметов (имеют один и тот же объем именования), они тем не менее не тождественны по фиксируемой информации. Иначе говоря, в любом семантическом определении, кроме отношения равенства, есть еще и отношение неравенства⁵.

Анализ толковых словарей русского языка с точки зрения содержательного определения тавтологии показывает, как и следовало ожидать, что подавляющее большинство словарных определений конструктивно и не является тавтологичным. В них отражается большой опыт углубления, уточнения значений слов в связи с развитием науки, культуры, распространением образования. По крайней мере, все те упреки, которые были сделаны в адрес толковых словарей с точки зрения тавтологичности, основаны на недоразумении, вытекают из одностороннего, чисто формального понимания тавтологии. Однако отсутствие достаточно ясного и глубокого представления о тавтологии дает себя знать в толковых словарях советской эпохи, не говоря уже о словарях предшествующих эпох, где содержится немало действительно тавтологичных определений.

Наиболее широкая сфера распространения тавтологичных дефиниций в толковых словарях русского языка — это область аналитических по своему содержанию слов: абстрактных существительных, глаголов, прилагательных. Здесь принято правило: достаточно полно и точно толковать в системе однокоренных слов с близким значением лишь одно производящее или мотивирующее слово. К производному же слову дается обычно

⁴ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики, стр. 12.

⁵ См.: Д. И. Арбатский, Определение как логическое равенство, «Уч. зап. [Удмуртск. пед. ин-та]», Философия. Научный коммунизм, 13, Ижевск, 1968.

чисто формальное определение, которое по своему существу является отсылкой на значение производящего слова. Поэтому утверждение Ю. Д. Апресяна о том, что «одно и то же значение в словарях толкуется столько раз, сколько различных способов выражения оно имеет в данном языке»⁶, не соответствует реальным фактам. Однако эти формальные отсылки, как правило, подаются как самостоятельные, независимые от других слов определения. Естественно, что в этом случае они оказываются тавтологичными. Например: *Солипсист* — сторонник солипсизма; *евгенист* — последователь евгеники; *паслен* — семейства пасленовых растений; *сфагновый* — относящийся к сфагнуму; *сольный* — исполняемый соло. У недостаточно опытных читателей такие определения неизменно вызывают недоумение.

Особенно неудачны в этом смысле используемые большим академическим «Словарем современного русского литературного языка» толкования значения абстрактных существительных, образованных от прилагательных по схеме: «X — свойство такого-то». Например, *специальность* — свойство специального; *разборчивость* — свойство разборчивого; *извращенность* — свойство извращенного. Дело здесь не только в их тавтологичности, но и в неверной отсылке. Фактически эти определения отсылают к субстантивированному прилагательным, в то время как на самом деле они образованы от прилагательных со значением признака предмета. Такие определения одновременно и двусмысленны, и тавтологичны.

Тавтологичны по своей сути и некоторые синонимические определения современных толковых словарей, поясняющий синоним которых столь же неясен по значению, как и поясняемый, например, «сопелька — то же, что сопель, кафель — то же, что изразец, упырь — то же, что вампир»⁷. Выражение «то же, что» здесь можно было бы понять как отсылку к тому месту словаря, где дается достаточно полное раскрытие значения поясняющих слов. На самом же деле оно не имеет такого характера, ибо используется в тех синонимических определениях, в которых не требуется никакой отсылки, например: «середина — то же, что середина, хрипучий — то же, что хриплый» и под. В результате синонимические определения, в которых недостаточно ясное слово для читателей поясняется еще менее ясным и понятным, оказываются самостоятельными толкованиями, не зависящими от толкования этих же слов, и в силу этого тавтологичными.

Приведенные примеры, количества которых легко увеличить, в целом снижают содержательность словарных определений, отнюдь не способствуют эффективному использованию толковых словарей для уточнения, углубления смысла слов. Однако важно отметить, что недостаток этих определений не столько в форме, сколько в их содержании. Поэтому для устранения отмеченных недостатков нет необходимости менять их язык, следует лишь наполнить их необходимым содержанием. Это может быть достигнуто без существенной перестройки определений — путем применения четко разработанной системы графических отсылок.

Положительная разность в информации между ДФН и ДФД отнюдь не постоянна, она изменяется в связи с изменением уровня знания, развития науки. В силу этого одно и то же определение оказывается часто тавтологичным в одной ситуации и нетавтологичным в другой (например, в среде специалистов и школьников). Поэтому для установления тавтологичности или нетавтологичности той или иной дефиниции решающее значение имеет определение уровня знаний тех читателей, для которых

⁶ Ю. Д. Апресян, Идеи и методы современной структурной лингвистики, 1966, стр. 259.

⁷ См.: Д. И. Арбатский, Синонимический способ определения значений слов, «Уч. зап. [Удмуртск. пед. ин-та]», 18 — Языкознание, Ижевск, 1968, стр. 46 и сл.

они предназначены. Современные толковые словари, несомненно, всегда исходят при толковании слова из определенного уровня развития его читателей, хотя и не формулируют его четко и определенно. Несомненно, что они опираются прежде всего на уровень неспециалистов. Этот уровень определяет конкретное содержание всех словарных определений указанных словарей. В теоретических же рассуждениях Ю. Д. Апресяна какой-либо конкретный уровень развития или знания читателей не только не предполагается, но и вообще полностью отвергается. Единственным критерием эффективности семантических толкований оказывается осуществление автоматического перевода. Естественно, что многие из конкретных предложений толкования значения общеизвестных слов оказываются без достаточно определенного адреса.

Сторонники формальной трактовки тавтологии предлагают чисто формальные средства для ее устранения: отказ от вербальных определений, создание особого семантического языка и др. Поскольку тавтология — это по сути содержательное явление, то, очевидно, эти приемы непригодны для ее преодоления. Для этого необходимо выявление реальных (а не словесных) семантических компонентов слова, систематическое повышение содержания семантических определений. Однако семантическая информация в конце концов фиксируется словами, поэтому здесь не бесполезно выявить те качества языка, которыми должны обладать нетавтологические определения.

1. Несомненно, что язык поясняющей части определения должен быть ясен и понятен читателям или слушателям. Как было видно из приведенных выше примеров, одна из причин тавтологии — это неясность поясняющих слов в определениях такого типа, как «сфагновый — относящийся к сфагнуму» и под. В силу этого в общенациональном толковом словаре в качестве поясняющих слов используются наиболее распространенные, всем известные нейтральные слова.

2. Лексико-семантическая система современных развитых языков весьма сложна, она постоянно усложняется в связи с расширением и углублением познания. Понятно, что язык поясняющей части определений должен быть достаточно богатым, чтобы выразить все значения и смысловые оттенки поясняемых слов. Более того, этот язык должен постоянно развиваться, обогащаться в связи с появлением новых значений слов, новых оттенков смысла. Логические определения в рамках строгой дедуктивной теории могут обходиться минимальным словарем. Раскрытие же лексико-семантической системы современного естественного языка требует весьма развитого, богатого, разностороннего языка, который не может быть заменен никаким искусственным суррогатом.

3. Язык поясняющей и поясняемой части современных семантических определений, несомненно, различен. Язык ДФД составляющих слова менее ясные и менее известные читателям. Язык же ДФН образуют наиболее известные или общеизвестные слова, составляющие основной словарный фонд языка. Поэтому утверждение Ю. Д. Апресяна о том, что язык поясняемой и поясняющей части определения одинаков, не соответствует действительности. Тем не менее значительная часть словаря ДФД и ДФН действительно общая, одни и те же слова в толковых словарях применяются и в той и в другой части определений. Чем же вызвана эта общность языка ДФД и ДФН? Во-первых, она вызвана необходимостью время от времени вновь и вновь уточнять, углублять смысл тех слов, которые прежде или в иной ситуации были уже определены. Во-вторых, она вызвана необходимостью систематического обогащения языка поясняющей части определений (а язык ДФН может обогащаться! лишь за счет языка ДФД). Одним словом, общность словаря языка ДФН и языка ДФД от-

нюдь не случайна, она в целом является отражением процесса непрерывного углубления и уточнения языка в связи с непрерывным расширением и углублением познания и одним из важных условий нетавтологичности семантических определений.

Как видно из анализа, формально-логическая в своей основе теория семантического определения не раскрывает сути тавтологии, не показывает реальных путей ее преодоления. Вместо действительно строгой теории предлагается весьма неясные и неопределенные рассуждения, суть которых в итоге сводится к отрицанию важной познавательной роли семантических определений. Это неизбежное следствие одностороннего подхода к сложной проблеме, результат преувеличения значения формы определения за счет его содержания. Глубокая всесторонняя теория семантических определений и лексических значений слова может быть построена лишь на основе диалектико-материалистической теории определения.